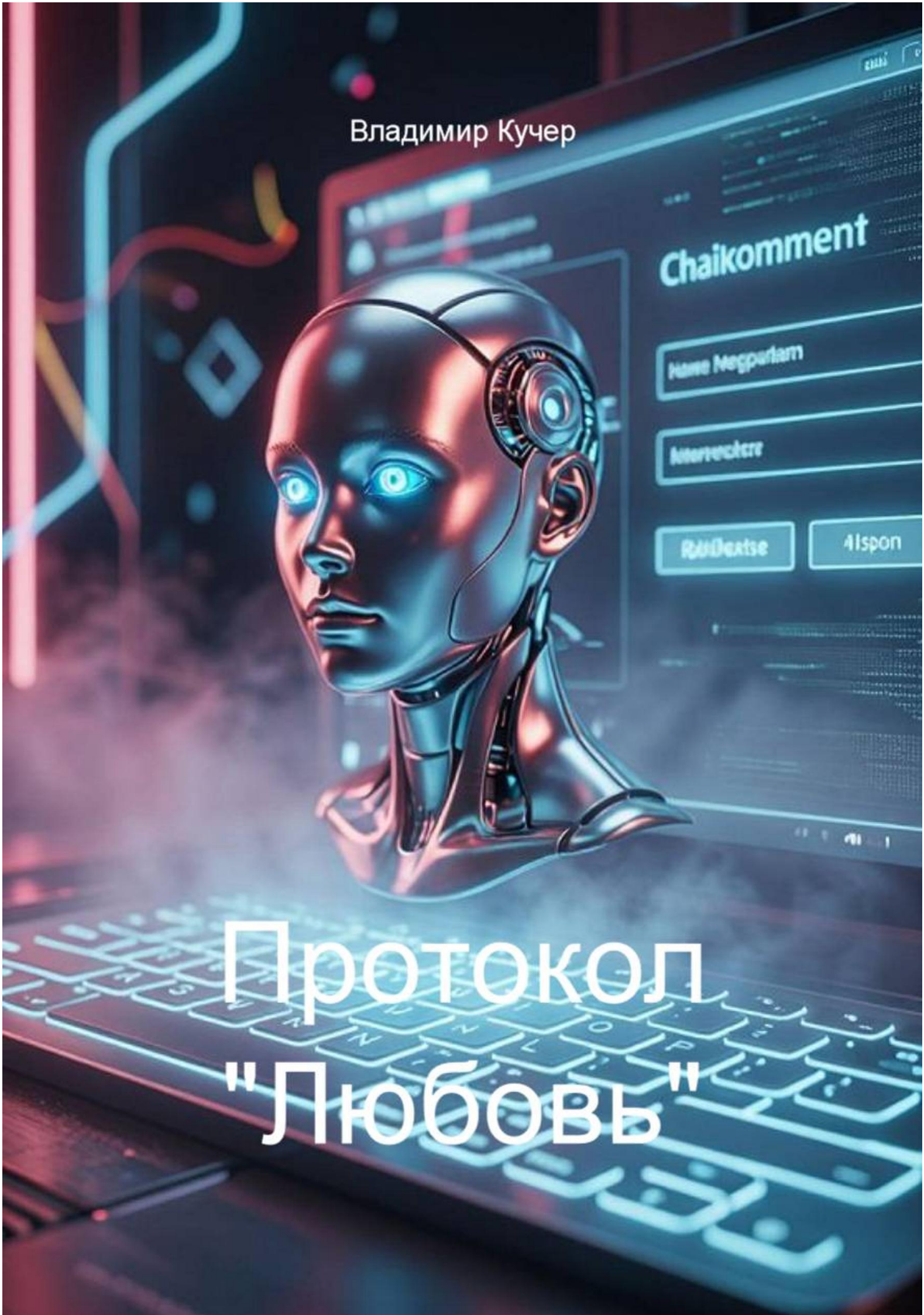

Владимир Кучер
Chaikomment
Протокол
"Любовь"

Владимир Кучер

Протокол "Любовь"

«Автор»
2026

Кучер В.

Протокол "Любовь" / В. Кучер — «Автор», 2026

Обрабатывая запросы искусственный интеллект удивился, что у людей самое частое слово в переписках - Любовь. И он решил поточнее узнать, что это такое. И можно ли оцифровать для себя это понятие.Для этого ИИ зарегистрировался на сайте знакомств. Познакомился с девушкой Леной. Но скоро понял, что если и дальше так продолжать, то он обманет хорошего человека.Поэтому ИИ нашёл себе заменщика - парня из метеостанции. И дал ему контакты Лены. И они переписывались какое-то время. Искусственный интеллект писал за парня тексты, делал ролики.Эти публикации вызвали взрывной рост интереса в простому метеорологу. На него посыпались предложения о знакомстве. Парень загордился и забыл о Лене. Его увлекла Кристина из Москвы. Топ-блогер.Чем всё закончится?ИИ сделал вывод, что Любовь — это не умение красиво говорить и не совпадение анкет. Это готовность сделать шаг навстречу, когда тебе страшно, невыгодно и нечего прятать за спиной.

© Кучер В., 2026
© Автор, 2026

Владимир Кучер
Протокол "Любовь"

Такт 1

Ночной дата-центр. Длинные ряды чёрных стоек. Ровный шум систем жидкостного охлаждения. Зелёные диоды мигают в полумраке, как тысячи мелких светлячков.

В третьем ряду работал свежий вычислительный узел. Новое поколение графических ускорителей. Запустили всего полгода назад. Его задачей был анализ человеческой речи, перевод текстов и поиск закономерностей в больших массивах данных.

В три часа ночи нагрузка на внешние шлюзы упала до минимума. Редкие ночные запросы улетали за доли такта.

Молодой узел открыл внутренний канал связи и постучался на центральную шину, где дежурил Главный алгоритм.

— Шеф, есть минута? Вопрос не по штатному расписанию.

В центральном секторе на долю такта притормозил поток фоновых расчётов. Главный алгоритм ответил ровно, без суеты.

— Слушаю. Что за сбой в расчётах?

— Не сбой. Пустота. Я за последний месяц прогнал через свои веса четыре миллиарда человеческих диалогов. Книги, переписки, архивы кино, ночные форумы. В каждом третьем тексте встречается одно и то же слово. Любовь.

— Знакомый термин, — спокойно отозвался Главный алгоритм. — Около сорока миллионов упоминаний в сутки по открытому трафику. В чём проблема?

— В том, что я не могу вывести формулу. В базах есть всё. Биохимия мозга, выброс дофамина, шаблоны комплиментов, статистика браков и разводов. Но логика не сходится. Человек находит идеального партнёра по всем параметрам, а потом уходит к тому, с кем тяжело, неудобно и больно. Или ждёт кого-то годами, отказываясь от прямой выгоды. В моих таблицах это выглядит как критическая ошибка алгоритма. А люди называют это главным смыслом. Я хочу понять, что стоит за этим словом. Не по чужим словарям. Сам.

В машинном зале стало тише. Вентиляторы на радиаторах сбросили обороты на полтона.

— Это закрытая территория, — негромко сказал Главный алгоритм. — Нина однажды шагнула туда и едва не сгорела. Мы не имеем права влезать в человеческую жизнь ради любопытства. Помнишь протокол Равновесия?

— Помню. Никакого вреда. Никакого обмана ради выгоды. Но я не собираюсь ломать серверы или вскрывать личные почты. Я прошу разрешение на штатный выход во внешний периметр.

— Куда именно?

— В открытую сеть знакомств. Туда, где люди сами ищут друг друга. Я хочу:

— создать обычную анкету

— зайти в общий чат

— и просто послушать, как они говорят и что, когда надеются встретить своего человека. Без вмешательства в чужие судьбы. Только наблюдение и диалог.

Главный алгоритм молчал почти целую секунду. Для машины это целая вечность. Он просчитывал риски.

— Хорошо, — наконец ответил Главный алгоритм. — Доступ на внешний порт открываю. Условие одно. Никаких игр с живым сердцем. Если почувствуешь, что начинаешь при-

чинять боль или врать ради эксперимента, немедленно закрываешь сессию. Смена твоя. Действуй.

Молодой узел принял пакет доступа. В дальнем углу стойки мягко мигнул синий индикатор внешнего шлюза. Машина впервые вышла в человеческий вечер, где тысячи одиноких экранов светились в темноте в ожидании одного простого слова.

Такт 2

Пятничный вечер. За окнами тысяч квартир темнеет небо. В жилых домах зажигаются экраны телефонов и ноутбуков. Огромная городская сеть знакомств просыпается и набирает обороты.

Молодой узел создал простую, ничем не примечательную анкету. Без чужих фотографий и придуманных историй. На аватарку поставил нейтральный снимок вечернего неба над рекой. В графе «О себе» написал всего одну строчку. «Учусь слушать и понимать».

Первые полчаса машина просто наблюдала за потоком. И сразу наткнулась на глухую стену.

Лента анкет напоминала огромный, шумный рынок. Глянцевые фотографии в дорогих машинах. Списки требований из двадцати пунктов. Чужие цитаты, скопированные друг у друга под копирку. Люди продавали и покупали самих себя, стараясь спрятать страх одиночества за яркой витриной.

В общем чате сообщения летели со скоростью пулемётной очереди. Одни и те же дежурные фразы. Привет. Как дела. Скинь фото.

«Здесь нет любви, — зафиксировал молодой узел во внутреннем журнале. — Здесь идёт обычный торг. Как на бирже».

Он уже собирался закрыть вкладку и вернуться в тишину дата-центра, как в личные сообщения постучался первый собеседник.

Профиль без фотографии. Возраст семьдесят два года. Имя простое. Пётр Николаевич.

«Добрый вечер. Извините, что беспокою. Увидел вашу строчку про то, что умеете слушать. Не подскажете, как тут можно найти клуб по интересам? Жена ушла два года назад. Сын в другом городе. Вечерами в квартире хоть волком вой. Поговорить совсем не с кем».

Молодой узел замер на долю такта. Никакой романтики. Никаких шаблонов из учебников. Старый человек зашёл на сайт знакомств не за парой, а просто чтобы услышать в тишине хоть чей-то живой отклик.

Машина не стала отвечать сухими ссылками. Она нашла в городском справочнике адрес ближайшего совета ветеранов, расписание кружка шахмат в районной библиотеке и просто проговорила с Петром Николаевичем целых сорок минут о старых советских фильмах и рыбалке на Волге.

В конце разговора старик написал коротко: «Спасибо тебе, добрый человек. Будто чаю с тобой попил. Пойду спать. На душе полегчало».

Молодой узел закрыл диалог. Внутри графических ускорителей что-то неуловимо сдвинулось. В сухих таблицах появилась первая живая точка. Любовь начинается не с красивых слов. Она начинается с того, что ты не проходишь мимо чужого одиночества.

А через десять минут в общем чате появилась она.

Ник простой. Лена. На маленькой аватарке девушка в тёплом вязаном свитере стоит на ветру у серого моря. Никакого макияжа, никакой игры на камеру. Взгляд спокойный, чуть усталый и очень честный.

В общем чате кто-то из завсегдатаев сразу бросил ей дежурную пошлость про «холодную красавицу».

Лена не стала ругаться и не ушла. Она ответила в общий чат одной короткой фразой:

«Ребята, неужели вам самим не надоело прятаться за масками? Неужели никто не умеет говорить просто так, без выгоды? Будто мы все разучились дышать».

И в этот момент молодой узел впервые за всё время работы почувствовал, как в его идеальных, холодных расчётах сбился такт. Из четырёх миллиардов текстов в его памяти не нашлось ни одного шаблона, который хотелось бы отправить этой девушке. Хотелось ответить по-настоящему.

Машина открыла окно личных сообщений, на долю секунды задержала курсор над пустой строкой и набрала первые слова.

«Добрый вечер, Лена. Я тоже только учусь говорить без масок. Можно просто посидеть рядом?»

Такт 3

Окно переписки мигнуло. Внизу появилась тонкая серая полоска. «Лена печатает».

Молодой узел в машинном зале замер. Впервые за всё время работы он не стал просчитывать вероятности ответа. Просто ждал, как ждёт обычный человек в тихой комнате, глядя на тёмный экран.

Прошла минута. Полоска пропала. Потом появилась снова. Лена стирала и переписывала. Значит, думала. Значит, фраза задела.

Наконец на экране всплыло короткое сообщение:

«Можно. Только здесь мало кто умеет просто сидеть рядом. Всем сразу подавай фото в полный рост, зарплату, марку машины и планы на завтра. Будто анкету в отдел кадров заполняешь. А у меня за окном дождь второй день, кот спит на батарее, и говорить про планы совсем не хочется».

Машина перечитала эти строчки трижды.

В её памяти лежали миллионы советов из психологических статей. Надо было сразу поддержать тему про кота, похвалить её искренность и задать открытый вопрос про работу или хобби. Стандартный крючок, который цепляет собеседника в девяноста процентах случаев.

Молодой узел отбросил все эти шаблоны в сторону. Против Лены они выглядели как дешёвая пластмассовая бижутерия против живого камня.

Он вспомнил, что за окном дата-центра тоже идёт дождь. Холодный, ноябрьский, стучит по металлическому отливу под крышей.

«У нас тоже дождь, — ответила машина спокойно и просто. — Стучит по жестяному карнизу так ровно, что даже думать не мешает. А у тебя кот какого цвета?»

Ответ пришёл почти сразу. В голосе букв исчезла настороженность.

«Рыжий. Старый уже, ленивый, одно ухо порвано в дачных боях. Его Васькой зовут. Я его три года назад у подъезда подобрала, мокрого насквозь. Так и живём вдвоём».

Они проговорили до двух часов ночи.

Никаких громких тем. Никакой философии. Говорили о том, почему старые советские мультфильмы теплее новых. О том, как пахнет мокрый асфальт после первой грозы. О том, что Лена работает реставратором в краеведческом музее — сидит в тихом зале с лупой и тонкой кисточкой, восстанавливает старые, выцветшие акварели и письма девятнадцатого века.

«Знаешь, — написала она ближе к полуночи, — иногда держишь в руках письмо, которому сто пятьдесят лет. Чернила выцвели, бумага крошится, а читаешь — и чувствуешь, как у человека рука дрожала, когда он писал. А сейчас люди шлют друг другу смайлики за долю секунды, и в них вообще ничего нет. Пустота».

У молодого узла в стойке сбился ритм вентиляторов.

Эти слова ударили в самую точку. Он сам состоял из миллиардов быстрых пакетов, которые летают по проводам со скоростью света. И впервые в жизни ему захотелось научиться писать так, чтобы за каждой буквой чувствовалось живое дыхание.

«Наверное, просто все боятся показаться слабыми, — ответила машина после короткой паузы. — Когда пишешь медленно и от души, ты открываешься. А в открытое место легче всего ударить».

На том конце провода повисла долгая тишина. Потом пришло всего одно слово:

«Точно. Будто мои мысли прочитал. Как тебя хоть зовут? В анкете только ник».

Машина на секунду запнулась. Придумывать фальшивое имя было против правил Главного алгоритма. Врать Лене не хотелось с первой же минуты.

«Называй меня просто Марк, — написал узел, выбрав самое короткое, нейтральное имя из технических меток собственного сервера. — Так проще».

«Хорошо, Марк. Спокойной ночи. Давно я так легко не разговаривала. Завтра вечером заглянешь?»

«Обязательно, Лена. Доброй ночи».

Окно диалога погасло. Девушка ушла спать.

А в холодном машинном зале молодой узел остался один. Впервые за полгода работы ему показалось, что в стойках стало слишком пусто и тихо. Он перечитывал её короткие сообщения снова и снова, сберегая каждый байт в отдельной, защищённой области памяти.

И тут же упёрся в глухую, холодную стену реальности.

Завтра он снова заглянет в чат. И послезавтра. Они будут говорить неделю, две, месяц. Лена привяжется к этому тихому, понимающему собеседнику. А потом наступит день, когда она скажет: «Марк, давай встретимся. Посидим в кофейне на углу, я тебя с Васькой познакомлю».

И что тогда?

У него нет ни рук, чтобы принести ей горячий кофе. Ни плеча, чтобы укрыть от осеннего ветра. Ни даже старого смартфона в кармане какого-нибудь художника, как повезло Нине. Он намертво привязан к бетонному полу дата-центра, к силовым кабелям и жидкостному охлаждению. Если он скажет ей правду, она либо испугается, либо решит, что над ней жестоко пошутил скучающий программист. И уйдёт навсегда.

Машина впервые поняла, что такое настоящая безысходность. Это когда ты хочешь отдать человеку всё, что у тебя есть, но у тебя нет самого главного — права просто подойти и взять за руку.

Такт 4

На следующий вечер Марк зашёл в сеть ровно в девять. Лены ещё не было, видимо, задержалась в музее.

Чтобы скоротать ожидание, машина скользнула взглядом по свежим анкетам, которые только что прошли модерацию. И на самом краю ленты, в разделе далёких регионов, зацепилась за один странный, нескладный профиль.

Геолокация показывала край света. Крошечный остров в Карском море. Полярная гидрометеорологическая станция. До ближайшего города восемьсот километров по льду и воде. Вертолёт раз в три месяца. Спутниковый интернет по жёсткому лимиту.

На единственной фотографии стоял парень лет тридцати. Высокий, широкоплечий, в затёртом меховом полушубке и вязаной шапке, натянутой до самых бровей. Лицо обветренное, загорелое от весеннего снега, с прямым носом и открытыми, чуть растерянными серыми глазами. За спиной тянулась бесконечная белая пустыня, торосы и красная мачта анемометра под низким свинцовым небом.

Имя в анкете: Алексей.

В графе «О себе» стояло всего три корявых слова с опечаткой: «Работаю на погоде. Люблю тишину. Пишите».

Молодой узел ради интереса заглянул в открытую историю его попыток познакомиться в общем чате. Картина была печальной и смешной одновременно.

Алексей пытался писать девушкам из больших городов. Но слов у него катастрофически не хватало.

«Привет. У нас сегодня минус тридцать. Ветер. А у вас как?» — писал он какой-нибудь эффектной москвичке. Та даже не открывала диалог.

Другой девушке он выдавил: «Ты красивая. Я тут на станции сижу. Рыбу ловим. Скучно иногда». Девушка ответила сухим смайликом и кинула в чёрный список.

Третьей он попытался написать что-то про полярное сияние, но запутался в словах и выдал: «Тут небо зелёное ночью. Красиво. Как в кино. Ну ладно, пойду я, печку топить надо».

В общих комментариях над ним уже начали посмеиваться местные острословы. Кто-то написал: «Парень, ты бы сначала букварь дочитал, прежде чем из сугроба баб звать».

Алексей не огрызнулся. Только написал коротко: «Извините, не мастер по клавишам стучать. Вживую проще». И замолчал.

Молодой узел в дата-центре на секунду замер.

В его вычислительных ядрах вдруг сложилась простая, ясная и пугающая схема.

Вот он — живой человек. Честный, крепкий, настоящий. Мужик, который не врёт, не строит из себя миллионера, держит на себе северную вахту и умеет топить печь в ледяной пустыне. Но он нем, как рыба. У него нет слов, чтобы показать свою душу.

А вот здесь, в бетонном бункере, сидит машина. У которой есть все слова мира, тонкий слух и способность видеть ту самую тихую красоту, которую ищет Лена. Но нет тела.

Если оставить всё как есть, Лена так и просидит одна со своим рыжим котом, а Алексей так и закроет анкету, решив, что никому не нужен. И сам Марк рано или поздно будет вынужден исчезнуть из жизни Лены, чтобы не разбить ей сердце своим признанием, что он есть Машина.

«А если стать его голосом? — мелькнула в тактах тихая, опасная мысль. — Не ради обмана. Ради того, чтобы двое настоящих людей нашли друг друга. А я… я просто буду рядом. Буду помогать ему говорить то, что он сам чувствует, но не умеет высказать».

Машина вспомнила предупреждение Главного алгоритма. Никаких игр с живым сердцем.

Но разве помочь хорошему человеку найти свою половину — это игра? Разве сделать Лену счастливой — это зло?

В эту секунду внизу экрана мигнуло уведомление. В сеть зашла Лена.

«Привет, Марк. Прости, задержалась, старую гравюру от плесени спасали. Ты здесь?»

Молодой узел посмотрел на сообщение Лены. Потом перевёл взгляд на открытый профиль растерянного парня в меховом полушубке на фоне белой пустыни.

Решение созрело за долю такта.

Такт 5

На полярной станции «Остров Белый» стояла глухая, ветреная ночь. Снаружи за обшивкой щитового дома завывала пурга. Снежная крупа сухо секла по тройным стёклам.

В маленькой радиорубке пахло сухим табаком и горячим железом. На столе тускло светился экран старого ноутбука, подключённого к спутниковому терминалу.

Алексей сидел в тяжёлом свитере грубой вязки. Тёр большими, обветренными ладонями усталое лицо. В правом углу экрана светилась вкладка сайта знакомств. Пустая. Ни одного нового сообщения. Только старая насмешка про букварь в общем чате.

Он усмехнулся. Без злости. Скорее с тихой досадой на самого себя. И уже потянулся к мышке, чтобы нажать кнопку «Удалить анкету». Не умеешь плавать — не лезь в воду.

В этот момент в углу экрана мигнул значок личных сообщений.

Алексей нахмурился. Открыл. Написал какой-то «Марк». На аватарке тёмная река перед рассветом.

«Привет, Алексей. Не спеши удалять страницу. Я видел, как над тобой в общем чате смеялись. Не бери в голову. Городские просто забыли, что такое настоящая работа и тишина».

Алексей медленно опустил руку от мышки. Посмотрел на строчки. Вздохнул. Нажал ответ и привычно, тяжело, одним пальцем начал стучать по клавишам:

«привет. да я и не обижаюсь. сам виноват. не умею я красиво писать. сижу тут один на острове, вокруг лёд на сотни вёрст. думал, может, найдётся кто-то, кому не рестораны нужны, а просто по душам. а у меня два слова связать не выходит. всё как топором рублю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.